

12. Тлостанова, М.В. Транскультурация как модель социокультурной динамики и проблема множественности индентификаций / М.В. Тлостанова // Вопросы социальной теории. – М.: РАН, 2011. – Том V. – С. 126–149.
13. Чеснокова, В.Д. Индивидуальная культура / В.Д. Чеснокова // Актуальные проблемы культуры XX века. – М.: Знание, 1993. – С. 89–106.
14. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1993 – Т.1. Введение. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/spengler%Dzakat>. – Дата доступа: 02.06.2017.
15. Штомпка, П. Социология / П. Штомпка. – М.: Логос, 2005. – 655 с.

ГРАНИЦЫ И ГОРИЗОНТЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЯЗЫКА THE LIMITS AND HORIZONS OF THE GLOBAL LANGUAGE

Е. Г. Прилукова

E. G. Prilukova

Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)

г. Челябинск, Россия

South Ural State University (National Research University)

Chelyabinsk, Russia

e-mail: prilukova74@gmail.com

Статья посвящена становлению глобального языка в мире глобальной коммуникации как эффективного инструмента власти. Язык – основной компонент культуры. Языковые конструкции тесно связаны с сознанием человека и оказывают влияние на когнитивные процессы. Язык приобретает статус власти: отражает мир и задает его картину. Вместе с изучением глобального языка в национальные культуры привносятся универсальные ценности и образцы поведения. Однако сам глобальный язык претерпевает изменения. Все это оказывает влияние на особенности межкультурной коммуникации, которая должна осуществляться в форме диалога.

Ключевые слова: власть, глобальный мир, глобальная культура, глобальный язык, коммуникация, культурный код, мышление, национальная культура, язык.

The article is devoted to formation of a global language as an effective instrument of power in the world of global communication. The language is a major component of any culture. Language structures are closely connected with human consciousness and influence cognitive processes. The language acquires the status of power; it reflects the world and sets the world's image. Universal values and patterns of behaviour are introduced into national cultures along with learning the global language. However, the global language is changing as well. All this has an impact on the peculiarities of intercultural communication, which takes the form of dialogue.

Key words: power, global peace, global culture, global language, communication, cultural code, thinking, national culture, language.

Современная межкультурная коммуникация осуществляется во многом благодаря развитию техники и технологий средств массовой коммуникации и информации, что позволяет ей оказываться в ситуации *пред-за-данности* ими. Обусловлено это, прежде всего, самой природой техники, созданной человеческим разумом. Достижения в области естественных наук и прежде всего в области физики, математики и информатики привели к появлению цифровых технологий и породили Интернет как совершенно иной способ и инструмент коммуникации, и одновременно источник информации, принесший по сути своей революционные изменения в международное общение. Архитектура и ландшафт межкультурной коммуникации изменились до неузнаваемости, утратив привычные представления о форме и границах – мир оказался «упакованным» паутиной коммуникационных сетей в информационно-коммуникационное пространство, в котором нет прошлого и будущего, а «царит» вечное интерактивное «здесь и сейчас».

Традиционное – линейное – восприятие знаний и информации о мире сменилось на всеобъемлющее образное, дающее представление о мире как о чем-то зрелищном. Более того, информация в виде различных, постоянно претерпевающих изменения *со-общений*, начала претендовать на статус знания. Все это позволяло *соз-дать* благоприятные условия для формирования глобальной культуры с едиными стандартами не только на уровне организации образа жизни и стиля поведения, но и на уровне мышления, что не могло не сказаться на существовании национальных культур и их межкультурной коммуникации. Наиболее отчетливо эти изменения *про-являются* в языке, что позволяет говорить о *стан-овлении* и развитии специфической сферы организации социальной жизнедеятельности как «индустрии сознания», атрибутом которой выступают новые практики принуждения человека, определяемые научным сообществом в форме понятия «мягкой власти» («soft power»).

Сегодня вряд ли будет оспариваться очевидный факт того, что язык есть одно из важнейших средств *предъ-явления* человеческого человеком и реализации его когнитивного потенциала – язык и мышление тесно связаны между собой. Однако язык – не просто инструмент отражения мира, он способен его *соз-давать* [3; 4]. Кроме того, язык социален поскольку *пред-став-ляет* собой систему приобретения, хранения и передачи социально закрепленных знаков и символов [1, с. 78]. Поэтому важно помнить, что язык непосредственно связан с духом народа, ибо «форма каждого языка находится в неразрывной связи с духовными задатками народа, с той силой, которая порождает и преобразует эту форму <...> Различия

между языками суть нечто большее, чем просто знаковые различия; <...> различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и чувства являются в действительности различными мировидениями» [5, с. 380]. Тем не менее, язык – не единственный компонент национальной культуры, хотя языковые конструкции тесно связаны с ней, *являя-сь* ее стержнем.

В условиях формирования глобальной культуры и ее стремительной экспансии в национальные происходят серьезные трансформации национальных языков – они оказываются под влиянием английского в его американской версии, что приводит к формированию пессимистического подхода относительно развития национальных языков [7].

Ставший международным языком общения – английский, а точнее его американский вариант, серьезно претендует на роль глобального языка. Причины этого носят социально-исторический и геополитический характер: доминирование американской экономики во второй половине XX в. (даже европейские страны часто определяют глобализацию как американизацию) и манифестация «электронной деревни», общение в которой осуществляется на английском языке.

Бесспорно, что основная причина глобализации кроется в наличии транснациональных корпораций, которые в своих устремлениях к экономическому господству требуют языкового объединения мира [1; 3]. Параллельно с экономической глобализацией развиваются политическая и культурная. В результате этого начинает формироваться глобальная культура, *основ-ополагающим* компонентом которой выступает глобальный язык. Именно через язык и его единицы миру предь-*являются* и навязываются новые культурные коды.

Поиски взаимопонимания в мировом масштабе определили преимущества культуры англоязычных народов – их язык стал языком межкультурной коммуникации, что позволяет им в некоторой степени материализовывать символический капитал языка. Так, например, издание учебной литературы в Великобритании превратило преподавание английского языка в мощный транснациональный бизнес с оборотом капитала во много миллиардов фунтов стерлингов [10, с. 269]. Однако речь не об этом, хотя анализ эффективного бизнес-проекта «мировой английский» может стать предметом самостоятельного исследования. Речь идет о том, что мир начинает осваивать глобальный язык, который постепенно *о-владев-ает* миром, конструируя его образ в репрезентациях [4, с. 179] и предлагая, на первый взгляд, ненавязчиво «свое» *миро-видение*.

Национальные культуры, обращаясь к изучению иностранного языка – английского – не могут остаться в стороне от культуры народа

этого языка, поскольку нельзя быть равнодушным к народу, язык которого изучаешь: они — язык и народ — становятся родными и близкими [12, с. 162]. Обусловлено это тем, что «любой язык имеет под собой культурный пласт познавательных, нормативных и даже эмоциональных коннотаций» [2, с. 10]. Тем не менее, при изучении иностранного языка, изучающими привносятся в «чужой» язык «свои» оттенки, основанные на «своем» менталитете, как «совокупности сознательных и бессознательных установок, сопряженных с этнической традицией» [6, с. 16]. Таким образом, происходит «наслоение» одного языка на другой и начинается «встреча» двух культур, так или иначе воплощающих *свои собственные* идеологические конструкции, что не всегда предполагает форму диалога. Как следствие, создаются уникальные возможности для *управления культурой*, как со стороны страны-носителя национального языка, так и со стороны страны изучаемого языка. Управление способно привести к формированию новых когнитивных структур и, в конечном итоге, к серьезным сдвигам в индивидуальном и общественном сознании.

Хорошо известно, что язык выполняет несколько основополагающих функций в рамках национальной культуры. Прежде всего, он позволяет ее носителям понимать и идентифицировать друг друга в процессе деятельности. Казалось бы, естественный процесс распространения английского языка в качестве глобального, ничего «не таит» в себе и не «вторгается» в «чужое» мышление. Сам факт изучения другого языка вовсе не означает, что мышление осуществляется именно на этом — другом — языке, хотя попытки этого имеются. Однако эти попытки всего лишь внешняя оболочка — форма, за которой сохраняется во многом прежнее содержание. Примеров тому великое множество. Это очевидно сегодня, когда национальная наука, стремясь войти в различные мировые наукометрические базы, утрачивает свои глубинные смыслы при переводе текстов и «международные системы университетских рейтингов, основанные на производстве знаний, могут не отражать значимости этих знаний для общества, особенно в общественных и гуманитарных науках» [9, с. 46].

Кроме того, распространение глобального языка зачастую вынуждает человека учить его, тем самым лишая права выбора изучаемого языка, что нарушает естественное стремление человека в различных ситуациях пользоваться родным языком. Для получения возможности быть «своим» на том или ином международном мероприятии важно следовать определенным правилам, которые *предъ-явлены* на другом языке и *форм-ируют* представления

о глобальной системе ценностей вместе с входящими в повседневность иностранными словами.

Особо следует подчеркнуть, что английский язык приобретает статус глобального *не в силу своей* собственной природы, а *благодаря усилиям* его носителей. Все чаще политики проводят не встречи, а «саммиты» (англ. – *summit*), в магазинах встречают покупателя не продавцы-консультанты, а менеджеры по продажам (англ. – *manager*), технические достижения становятся «ноу-хау» (англ. – *know how*), привычное «здравствуйте» превращается в нечто напоминающее «хеллоу» (англ. – *hello*) и т. п. Среди подростков и молодежи родной язык превращается в «Lingua non grata». Так постепенно *о-форм-*ляется и *за-креп-*ляется новая система убеждений и социально одобряемых образцов поведения. В неанглийском контексте «American English» *стан-*овится не символом власти, а самой властью, потому что постоянное повторение и тиражирование американских англицизмов *дает* возможность *стан-*овлению элиты, отчуждающейся от своей национальной культуры во всевозможных клубах («Бильдербергский», «Давоский», «Римский» и др.).

В отделенной перспективе можно предположить и «смерть» некоторых национальных языков, особенно так называемых малочисленных народов, хотя в этом далеко не всегда «виновен» глобальный английский. Следовательно, использование только критически негативных оценок влияния глобального языка на национальный, как языка «убивающего» его, нужно избегать.

Более того, собственно сам английский язык претерпевает изменения, которые также не могут быть однозначно оценены. Язык перестает развиваться, он замирает, примеряя на себе статус чего-то вечного и божественного. *По-является* лингвистическая элита, способная манипулировать другими в силу своего языкового превосходства.

Наряду с преклонением перед «American English» начинает *про-являться* и *со-против-*ление ему со стороны возрастающего национального самосознания, когда богатая палитра языков национальных культур остается самым надежным средством межкультурной коммуникации (например, различные формы культурной дипломатии и т. п.). Ставший для многих «своим», «родной» английский создает условия для утраты себя как инструмента идентичности, потому что на нем теперь говорят все, он одновременно и всех и ничей. Тем самым, намечается «уход от родины и порождается безродность даже на своей территории» [8, с. 105].

Следовательно, появляется соблазн, особенно у многочисленных народов, подделать его «под себя», что снижает «качество» языка и не

способствует его развитию. Наблюдается некий разрыв между британским и американским английским – один престижнее и сложнее, другой – практичнее и легче. Следовательно, затраты на получение первого выше, второго – меньше. Результаты коммерческого проекта по изучению языка не заставят себя долго ждать и вполне поддаются прогнозам.

При этом важно помнить, что именно на американском английском происходит кодирование и обработка большей части информации, позволяющей многое унифицировать, что позволяет вводить новые формы нормативных обязательств и приводить их к одному знаменателю. В свою очередь, «стандартизированное общество, сделавшее смыслом своего существования одинаково понятную для всех информацию, бледно, вяло, неинтересно, безжизненно. Унифицированная культура безжалостна к индивидуальным проявлениям личности» [13, с. 26]. Вынесение общих суждений есть уже проявление власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апель, К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка / К.-О. Апель // Вопросы философии. – 1997. – № 1. – С. 69–75.
2. Бергер, П. Культурная динамика глобализации / П. Бергер // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 8–24.
3. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 322 с.
4. Бескова, И.А. Эволюция и сознание: (когнитивно-символический анализ) / И.А. Бескова. – М.: ИФ РАН, 2001. – 268 с.
5. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
6. Гумилев, Л.Н. Этносфера: история людей и история природы / Л.Н. Гумилев. – М.: Экспресс, 1993. – 544 с.
7. Кирилина, А. Останется ли русский великим и могучим? / А. Кирилина // Литературная газета. – 2012. – 02 августа. – Режим доступа: [http://lgz.ru/article/N5-6356-2012-02-08-/?arFilter_pf\[GROUP\]=418&set_filter=Y](http://lgz.ru/article/N5-6356-2012-02-08-/?arFilter_pf[GROUP]=418&set_filter=Y). Дата доступа: 02.09.2017.
8. Хайдеггер, М. Отрешенность / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник. – М.: Высш. шк., 1991. – С. 102–111.
9. Чон, Ч.С. Вызовы для исследовательских университетов в обществе знаний: между глобальной конкурентоспособностью и локальными запросами / Ч.С. Чон // Современный университет между глобальными вызовами и локальными задачами: Материалы VII междунар. конф.; под ред. Д.В. Козлова, Н.Г. Малошонов. – М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2016. – С. 41–46.
10. Phillipson, R. Voice in Global English: unheard ghords in Crystal loud and clear / R. Phillipson // Applied linguistics. Vol. 20. – 1999. – № 2. – PP. 265–276.